

«ГДЕ МОЙ ДОМ?»

ВЫСТАВКА К 125-
ЛЕТИЮ МАРИНЫ
ЦВЕТАЕВОЙ

Выставка о поэте,
аналитике и фило-
софе языка, под-
нявшем в своей
практике **ПОЭЗИЮ**
до теории познания,
композиционно
и сценографически
опирается на вер-
шинное произведе-
ние поэтического
пути Цветаевой — ее
«Поэму Воздуха».

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ВЫСТАВКЕ

Департамент
культуры
города Москвы

Дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский переулок, д. 6, стр. 1
+7 (495) 695 35 43 / DOMMUSEUM.RU

В поэме, осуществ-
ленной как переход
от настоящего
к неведомому
посмертному
будущему, Цветаева
описывает **ПОДЪЕМ
ДУШИ** от земли
через несколько
этапов:

ЗЕМЛЕИЗЛУЧЕНИЕ —
Землеотпущение —
Землеотлучение —
ЗЕМЛЕОТСЕЧЕНИЕ.

Строки этой поэмы
открывают каждый
раздел выставки,
символически
определяя его
содержание. Следуя
этапам поэмы,
меняется и прост-
ранство выставки,
последовательно
избавляясь от звука,
цвета и света.

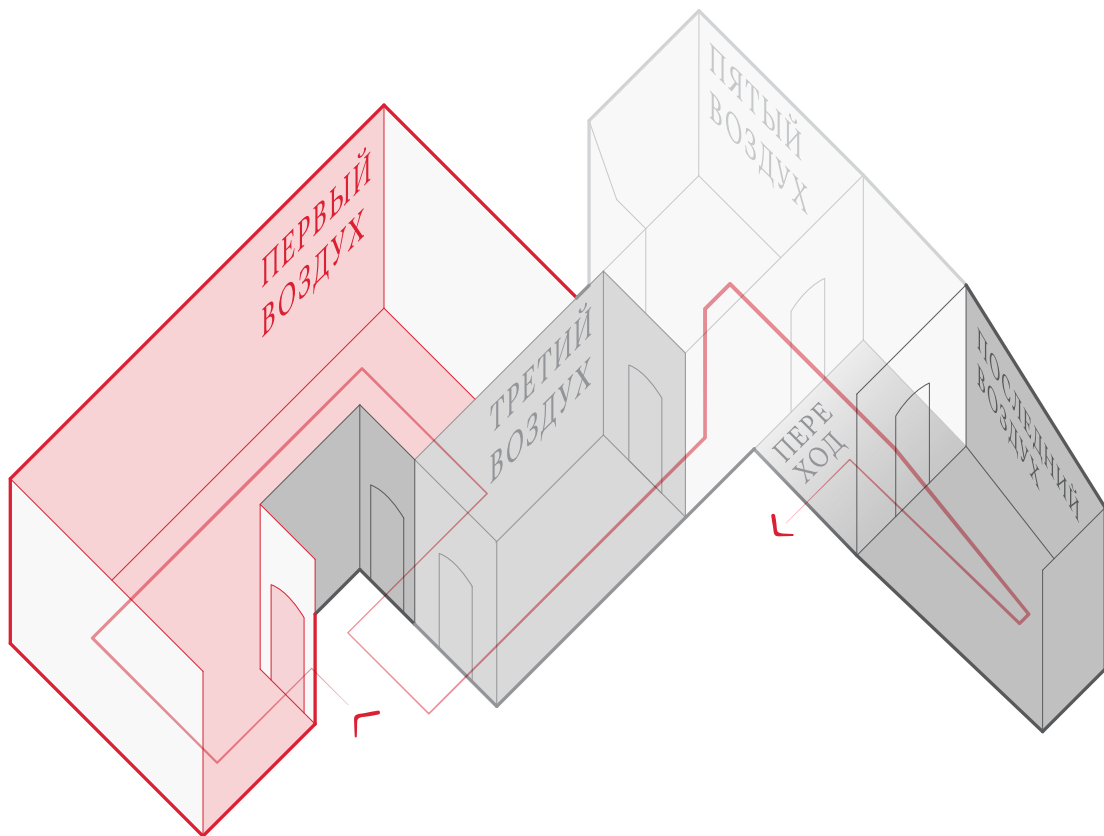
25.11.
2017
—
01.03.
2018

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

Учебный художественный
музей имени И.В. Цветаева

СХЕМА ЭКСПОЗИЦИИ

НАЧАЛО
МАРШРУТА

МАРШРУТ
ПО ЭКСПОЗИЦИИ

ПЕРВЫЙ ВОЗДУХ

— ЗЕМЛЕИЗЛУЧЕНИЕ.

ПЕРВЫЙ ВОЗДУХ — ГУСТ.

ОБРАЗЫ

Первый зал — начало поэта. Детство и родительский дом.

Главенствующее влияние — матери (музыка, природа, стихи, Германия. Страсть к еврейству. Один против всех. Негоіса). Более скрытое, но не менее сильное влияние отца. (Страсть к труду, отсутствие карьеризма, простота, отрешенность.) Слитое влияние отца и матери — спартанство. Два лейтмотива в одном доме: Музыка и Музей. Воздух дома не буржуазный, не интеллигентский — рыцарский. Жизнь на высокий лад.

Своему отцу — Ивану Владимировичу Цветаеву — Цветаева в 1930-е годы посвятила серию очерков «Отец и его музей». Личность матери, Марии Александровны Цветаевой, — наиболее полно явила в посвященном ей очерке «Мать и музыка», который Владислав Ходасевич сравнил с «Детством» и «Отрочеством» Льва Толстого.

Благодаря отцу, профессору классической филологии, создателю Музея изящных искусств, образы античной культуры были впитаны Цветаевой в детстве и впоследствии опреде-

Самая сильная из болезней, мне!
Родные-де знают?
Никто-де не знает?
У доктора - нет.
Терпеливее же.

Библиотека Цветаевой не сохранилась — слишком много в ее жизни было переездов и временных домов: книги оставлялись, дарились, продавались, отдавались в добрые руки. Возвращаясь в 1939 году в Москву, Цветаева отправила в багаже четыре ящика книг.

В витринах книжного шкафа — уцелевшие книги из библиотеки Цветаевой. Переплет, владельческая надпись, пометы на полях — их характерные особенности.

На полках — сохранившиеся книги, которые Цветаева читала. А бесконечное множество утраченных представлено в виде «белых книг» — открыв их, вы узнаете о мыслях и впечатлениях Цветаевой-читателя.

ТЕКСТЫ

Тетради Цветаевой в зале — это рукописный памятник Пушкину, ее первому поэту с раннего детства до последних лет.

Черновые тетради очерка «Мой Пушкин», исследования «Пушкин и Пугачев», беловая тетрадь переводов стихотворений Пушкина на французский язык. В ней запечатлен уникальный опыт передачи любимых стихотворений Пушкина средствами другой языковой стихии.

С работой Цветаевой над очерком «Мой Пушкин» можно познакомиться в интерактивной презентации.

Тысяч книг — для одного человека — не
вселяет в нас утраты и
" Но во времени моем... "

И под пальми Пушкин росла.

marinere ceto, rito qroujaseas — U. legro — etc.
ritu sacu otmaria, k. no acuraj deffan.

— a donajmeniceto, u

ritu acuraj deffan donajmeniceto otmaria
a acuraj deffan otmaria u

ritu no otmaria — acuraj deffan otmaria

u acuraj deffan otmaria otmaria otmaria
ritu no otmaria — acuraj deffan otmaria u

otmaria otmaria otmaria

1) "Вот что такое, рохоро, куда не ждем, и нда
 и ксеро 1902. даю, вале (вале) даю, спеле
 "и даю она не ксеро, но ксеро и даю,
 и даю ксеро и ксеро и даю, о даю и ксеро,
 а в "и даю", в ксеро то, что есть в "и даю",
 что есть — и даю. Все даю ксеро
 даю"

2) "Вот что такое и ксеро и даю, ксеро даю
 ксеро ксеро даю, о даю и ксеро, ксеро —
 и даю, и даю и ксеро, а в "и даю", в ксеро то,
 что есть в "и даю", что есть — и даю."

Во сая пох саны еве ксеро и ксеро, ксеро,
 ксеро и ксеро: даю ксеро! Под даю, даю
 и ксеро ксеро, ксеро ксеро и ксеро ксеро
 ксеро даю — ксеро — ксеро — и
 ксеро ксеро и ксеро: — даю ксеро!

Но ксеро ксеро ксеро, ксеро ксеро и ксеро — даю,
 ксеро ксеро ксеро ксеро ксеро ксеро ксеро
 ксеро, и ксеро ксеро ксеро — ксеро с
 ксеро ксеро — ксеро ксеро ксеро, а ксеро

ТРЕТИЙ ВОЗДУХ

— ЗЕМЛЕОТПУЩЕНИЕ.

ТРЕТИЙ ВОЗДУХ — ПУСТ.

Протяженность следующего зала уподоблена «поезду жизни» с ее стремительностью, случайностью, невозвратностью.

...Я внезапно осознала, что я всю жизнь прожила за границей, абсолютно-отъединенная — за границей чужой жизни — зрителем любопытствующим (не очень!), сочувствующим и уступчивым — и никогда не принятым в чужую жизнь — (поняла), что я ничего не чувствую, как они, и они — ничего — как я — и, что главное чувств — у нас были абсолютно-разные двигатели, что то, что для них является двигателем — для меня просто не существует — и наоборот (и какое наоборот!)

В зале-коридоре вы такой же зритель за границей чужой жизни, среди случайно обретенных и случайно уцелевших вещей.

В витринах, отражающих географию жизни Цветаевой, расположены вещи-символы и вещи-свидетели. Малое число их, случайность набора, как и пустое место в витрине, знаменуют утраты и потери, сопровождавшие Цветаеву в ее временных пристанищах, после основной утраты — дома, Москвы, России.

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем —
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах...

Россия 1892–1922

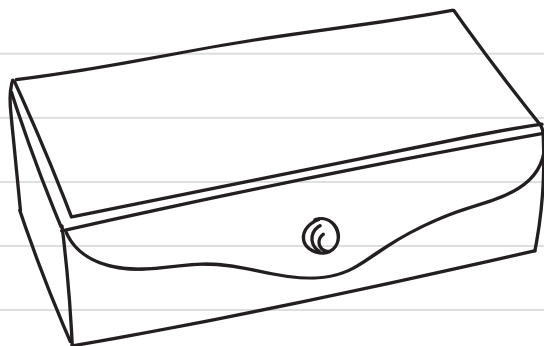
Тридцать лет, прожитых Цветаевой в России (за вычетом трех, проведенных с больной матерью за границей), начались детством в Трехпрудном, продолжились семейной жизнью с мужем и детьми в Борисоглебском, закончились голодом и разрухой военного коммунизма, гибелью младшей дочери, разорением дома.

Сохранившиеся мемориальные вещи этого периода — чудом уцелевшие осколки мирной жизни старого времени.

Духи «Jasmin de Corse» французской фирмы Coty (1) Цветаева получила от издателей петербургского журнала «Северные записки», где начала печататься в 1914 году.

Софья Исааковна Чацкина и Яков Львович Сакер, так полюбившие мои стихи, полюбившие и принявшие меня как родную, подарившие мне три тома Афанасьевских сказок и двух рыжих лисиц (одну — лежащую круговую, другую — стоячую: гоно-раров я не хотела) — и духи Jasmin de Corse — почтить мою любовь к Корсиканцу, — возившие меня в Петербурге на острова, в Москве к цыганам, все минуты нашей совместности меня праздновавшие...
Софья Исааковна Чацкина и Яков Львович Сакер, спасибо за праздник — у меня его было мало.

Серебряные браслеты и кольца —
«земные приметы» Цветаевой.

(1)

Один из своих браслетов она подарила сестре мужа — Елизавете Эфрон (2).

С большою нежностью — потому,
Что скоро уйду от всех, —
Я всё раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

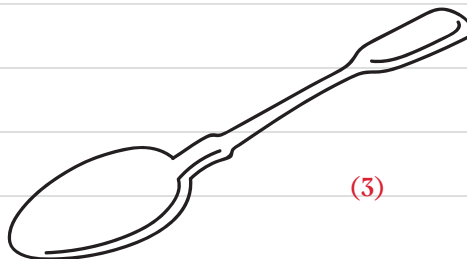
Кому — разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому — серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

(2)

Серебряную ложечку «на зубок» маленькой Марине подарил отец (3). По свидетельству сестры Анастасии, Цветаева не расставалась с ней. В 1941 году, после гибели Цветаевой, ее сын Георгий, в Чистополе, передал ложечку и еще некоторые вещи на хранение поэту Николаю Асееву.

От юношеского увлечения Цветаевой наполеоновской эпохой сохранились принадлежавшие ей почтовые открытки и эта брошь с детским портретом (возможно, на ней тоже изображен герцог Рейхштадтский) (4).

(3)

ГЕРМАНИЯ 1922

Марина Цветаева уехала в Германию, добившись разрешения на выезд из уже советской России, и пробыла там одиннадцать недель.

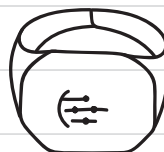

(4)

ЧЕХИЯ 1922–1925

Из Германии в 1922 году Цветаева с мужем и дочерью уехала в Чехию. Здесь родился ее сын Георгий.

Я недолго жила в Чехии и собственно жила не в Чехии, а на краю деревни, так что жила в чешской природе,

(5)

за порогом культуры, т.е. природы + человек, природы + народ. И — руку на сердце положи — люблю. Люблю бескорыстно и безответно — как и полагается любить.

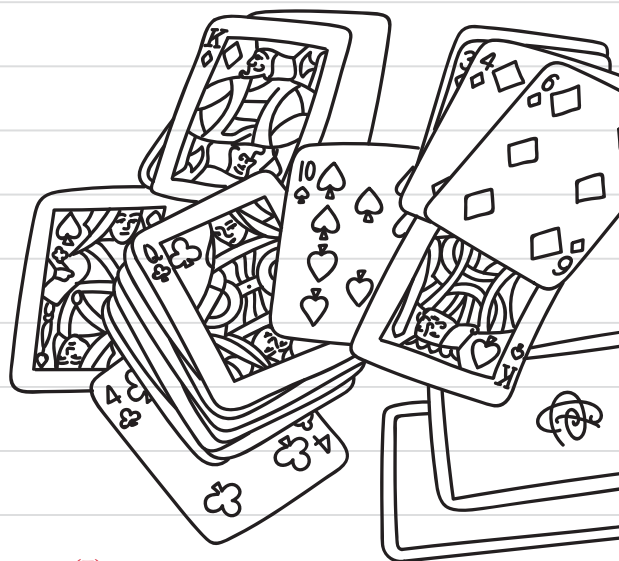
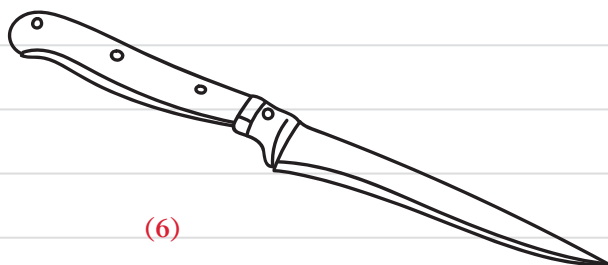
Серебряное кольцо-печатка, когда-то украшенное корабликом, сохранилось благодаря Валентину Федоровичу Булгакову. В 1934 году он создал Русский культурно-исторический музей в Праге, а несколько лет спустя приехал в Париж за материалами для него. Цветаева передала ему ручку (16), которую посетители увидят в последнем зале, и это кольцо (5), с которым не расставалась много лет. После Второй мировой войны Булгаков вернулся в СССР. Цветаевскую ручку и кольцо он привез с собой, а позднее передал их дочери Цветаевой.

ФРАНЦИЯ 1925–1939

В Париж Марина Цветаева с детьми приехала 1 ноября 1925 года. (Сергей Эфрон присоединился к семье весной 1926-го.) Четырнадцать французских лет — вершинный период творческой зрелости: издание последней книги стихов «После России», автоперевод на французский язык поэмы «Молодец», автобиографическая и аналитическая проза, исторические поэмы — «Перекоп», «Поэма о Царской Семье».

Кухонный нож Цветаевой (6). Вместе с некоторыми другими вещами домашнего хозяйства был привезен в Советский Союз.

Колода игральных карт (7), вероятно, была приобретена Цветаевой во время поездки в Лондон в марте 1926 года.

В 1918 году Цветаева написала пьесу «Червонный валет», действующими лицами которой были карточные фигуры.

В шашки (8) Марина Цветаева играла с сыном Георгием.

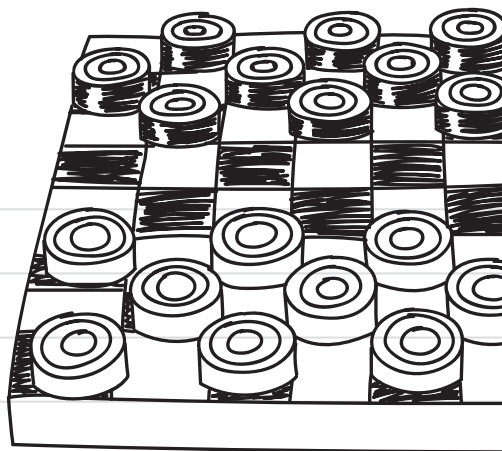
По вечерам страстно (он — за двоих!) играем в Oie [Гусёк (фр.) — игра с фишками на таблице в 63 фигуры], и он всегда обыгрывает, а в шашки идем ровно: для меня это не комплимент, а для него — большой (при его полной неспособности к математике, пока — арифметике). Вчера съел у меня все черные (которые я, из «суеверия» всегда беру — себе) — и я не поддавалась, щадя его в будущих играх не со мной (с не-мной!). В Coffret [сундучок (фр.)] — 12 игр!!! Но иных мы не понимаем, а для других нужно трое, четверо.

Об этих костяных бусах (9) подробностей не сохранилось, достоверно лишь то, что они принадлежали Цветаевой.

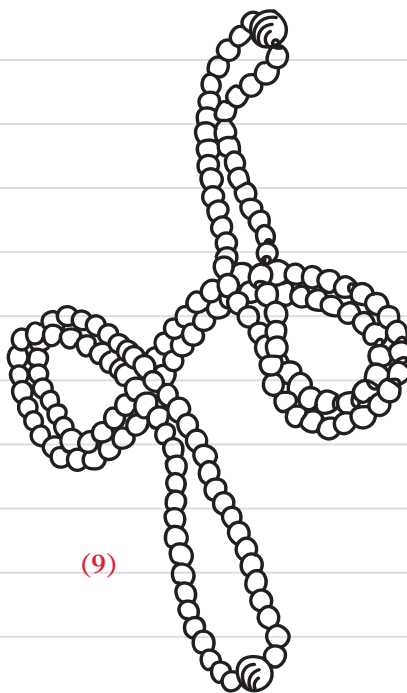
Клипсы из конского волоса (10) Цветаева купила на Международной Колониальной выставке в Париже в 1931 году.

Была два раза на Колониальной выставке, лучшее — негры, из стран — Конго, т.е. их жилища и искусство. Портит выставку множество ресторанов и граммофонов с отнюдь не колониальной музыкой, а самыми обыкновенными тенорами и баритонами.

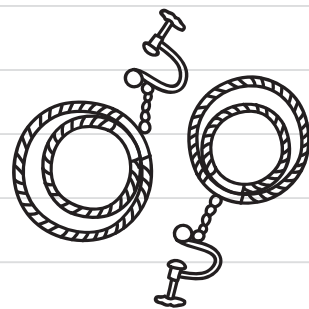
Но, если в синий день, в полдень (когда все завтракают, т.е. отсутствуют) да еще среди чудных гигантских благожелательных негров — можно почувствовать себя

(8)

(9)

(10)

действительно за тридевять земель и морей.

Коралловые бусы (11) Цветаева, вероятно, приобрела во Франции, в одном из антикварных магазинчиков, которые так любила. В Москве она подарила их редактору Гослитиздата Зинаиде Кульмановой. При взгляде на них вспоминаются строки стихотворения «Бузина»:

Что за краски разведены
В мелкой ягоде слаще яда!
Кумача, сургуча и ада —
Смесь, коралловых мелких бус
Блеск, запекшейся крови вкус.

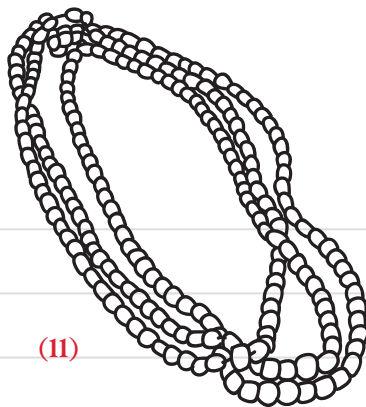
Платок с якорями (12) Марина Цветаева подарила дочери Ариадне.

Дорожные часы-будильник (13) Марина Цветаева привезла с собой из Франции в 1939 году. Возможно, их она упоминает в письме Надежде Тукалевской накануне отъезда из Парижа:

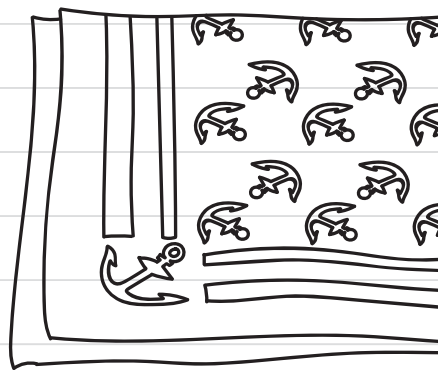
11-го/12-го июня 1939 г., 12 ч. ночи — воскресенье. ... Кончаю. Надо спать, а то просплю все способы передвижения. Будильник — уложен (от страха забыть!). Я — сама себе будильник.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 1939–1941

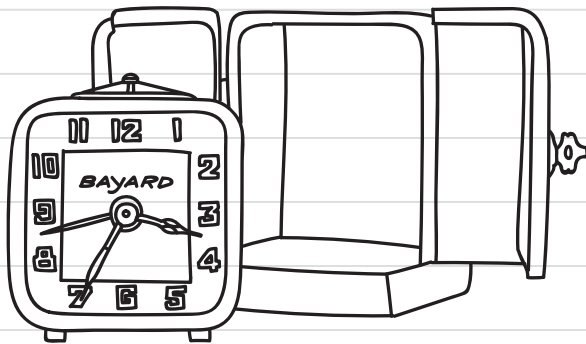
В Советский Союз Цветаева с сыном приехала 18 июня 1939 года, Сергей Эфрон и Ариадна уже почти два года жили в подмосковном Болшеве. В августе 1939 года была арестована «за контрреволюционную деятельность» дочь Цветаевой, в октябре — муж.

(11)

(12)

(13)

После начала Великой Отечественной войны, 8 августа 1941 года, Марина Цветаева с сыном эвакуировались из Москвы в Елабугу. 31 августа 1941 года Марина Цветаева покончила с собой.

Медный ковш (14) из дома в Конюшках, где Цветаева бывала у Марии Белкиной и Анатолия Тарасенкова. Цветаевой нравился этот старый ковш, он служил ей пепельницей.

На стене — напротив осколков предметного мира Цветаевой — иные свидетельства времени. В кадрах кинохроники перед зрителем проходят революции, разруха и голод, войны, репрессии — события XX века, определившие судьбу поэта и близких ей людей.

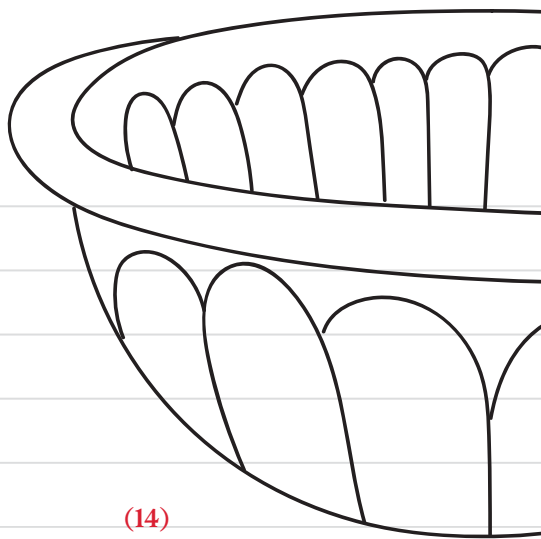
Оставьте меня, потрясения, войны и т.д. У меня свои события: свой дар и своя обида — о, за него, не за себя. Летопись своей судьбы.

Свое самособытие.

Войны и потрясения станут школьной невнятицей, как те войны к~~отор~~ые учили — мы, а мое — вечно будет петь.

ПЯТЫЙ ВОЗДУХ

— ЗЕМЛЕОТЛУЧЕНИЕ:
ПЯТЫЙ ВОЗДУХ — ЗВУК.

Ключевой раздел выставки — зал с тетрадами. Они охватывают большую часть творческого пути Цветаевой: революционная Москва, Берлин, Чехия, Франция, Советский Союз. Всего сохранилось больше сорока черновых тетрадей Цветаевой, около пятнадцати беловых. Эти тетради — памятник и урок: труда, терпения, преодоления — и вдохновений, и побед.

Трудно писать восторг — и любовь — и доверье, когда нет ни одного, ни другого, ни третьего, и вдобавок холод и дождь. Но м.б. так и создаются — восторг, любовь, доверье — и вдобавок — хорошая погода?

В 1930-е годы, предчувствуя предстоящий роковой отъезд, Цветаева начала работу над сохранением своего литературного архива. Тогда ею были созданы рукописные своды стихов 1916–1918 годов, четыре беловые сводные тетради выписок из уничтожаемых черновых, устроена на хранение (в Швейцарии) тетрадь со стихами «Лебединого стана» и поэмой «Перекоп».

Если бы мне на выбор — НИКОГДА не увидеть России — или НИКОГДА не увидеть своих черновых тетрадей (хотя бы этой, с вариантами Ц. Семьи) — не задумываясь, сразу.

И ясно — что.

Россия без меня обойдется, тетради — нет.

Я без России обойдусь, без тетрадей — нет.

П.ч. вовсе не: жить и писать, а жить=писать и: писать — жить. Т.е. ВСЁ осуществляется и даже живет (понимается) только в тетради.

А в жизни — что? В жизни — хозяйство: уборка, стирка, торопка, забота.

В жизни — функция и отсутствие.

Цветаева в эмигрантские годы не вела дневников. Приметы текущей жизни — записи адресов, маршрутов, реплик Мура, снов, а с началом Мировой войны и радиосводок — перемежаются в черновых тетрадах с планами и набросками поэм, вариантами стихотворных строф, столбцами рифм.

Пять тетрадей Цветаевой представлены в интерактивной презентации: две беловые тетради стихов, две черновые стихов и поэм, черновая очерка «Мой Пушкин». В презентации вы сможете увидеть тетрадь как отдельный мир, полный смыслов, событий, имен и образов.

ПЕРЕХОД

Тетради стали средоточием жизни Цветаевой, доказательством воплощения, а не сокрытия полученного дара, его приумножения. Тетради — хранилище ее литературного наследия, ее дар последующим векам.

Мур мне говорит: — Мама, Вы в маленьком — совсем не эгоист: всё отдаете, всех жалеете, но зато — в большо-ом — Вы страшный эгоист, и совсем даже не христианин. Я даже не знаю, какая у Вас религия. — Не христианин, Мур, а фараон, всё забираю в гробницу! — дабы через тысячелетия проросло зерно.

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУХ

— ЗЕМЛЕОТСЕЧЕНИЕ.

КОНЧЕН ВОЗДУХ. ТВЕРДЬ.

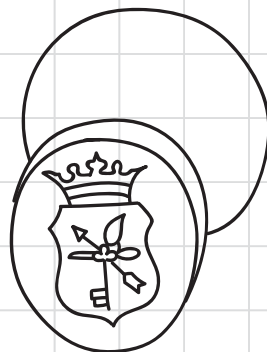
В последнем парижском доме Цветаевой, в Ванве, стоял этот письменный стол. Покидая дом, где она прожила четыре года (1934–1938), Цветаева раздавала мебель и домашнюю утварь, лишнюю в комнате маленькой гостиницы, где ей предстояло несколько месяцев дожидаться отправки в СССР. Ее последний письменный стол приютил сосед Михаил Айканов.

На столе — тетрадь, открытая на цикле «Стол».

Проекции на стенах — стихи из этого цикла.

Печать с рисунком щита (15), на котором скрещены крыло, стрела и ключ, Цветаева когда-то склонна была считать своим гербом и запечатывала ею свои письма. Оттиски этого герба украшают и обложки рукописных книг 1920 года, изготовленных Цветаевой для продажи в московской Лавке писателей. Ему же посвящен неоконченный стихотворный набросок:

Соратник в чудесах и бедах
Герб, во щитах моих и дедов
..... выше туч:
Крыло — стрела — и ключ.

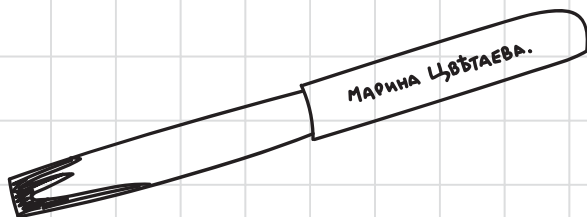
(15)

Бамбуковая перьевая ручка с колпачком (16), которой Цветаева писала более десяти лет, чудом уцелела во время оккупации Праги.

Отнимите у меня писанье — просто не буду жить, не захочу, не смогу. Только писаньем уцелела в Советской России. Только тетрадью живу все эти годы за границей. Это — моя судьба.

Стол поэта — реальный и метафорический — завершает нашу выставку-путешествие, выставку-символ, выставку-вопрос:

Где мой дом?

(16)

По думи Водуа.

8308

За, вон и в дусице
Карамаке. Перви вон.
Двери ево, ситице,
Нат, двери, ја поворат вон.
Своа вон — там хлос
У входа, сјосеца вон —
Вон вон вон вон,
Нат вон, ја поворат вон
Хорана, вон
Хорана. Спават — там:
Вон вон вон вон,
Нат вон, ја поворат вон
Хорана — вон вон вон!
Та моли вон вон вон!
Хорана вон вон вон —
Нат вон, ја поворат вон
Своа вон, вон вон вон
Хорана — вон вон вон —
Хорана вон вон вон:
Вон вон вон вон вон.
(Вон вон вон вон вон
Нат вон, вон вон вон вон)
Вон вон вон — вон вон вон,
Вон вон вон вон вон вон вон?

Ошъ, фна — с кероуа в зупах.
 Препрнъ и зубъ, вана,
 Небъ, асрора мурфъ о фен —
 Ма Ошъ, ама мурфъ, ама,
 Ошъ, ама — десе званъ.
 Дума дер асрора мурфъ
 зубъ, ама. Пова нам фенах.
 Дверъ думана сешъ, ама.
 Не шъ, фен о зупах?
 Нам фавноу, рофна
 Дешъ, ама, нам: ро-ша... ама!
 Зупе и кероуа —
 По асрора сешъ, ама и сешъ, ама
 Ошъ, ама асрора мурфъ
 Вешъ, ама. Въ, ама, сешъ, ама
 Махъ, фен мурфъ, ама,
 Махъ, ама, ама, ама, ама
 Вешъ, ама.

Ошъ, ама

Не сешъ, ама. Пова — ама.
 Дверъ мурфъ, ама в зупах.
 — зупа мурфъ, ама.

Пова, сешъ, ама.
 Ошъ, ама.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА МОСКВЫ
«КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР „ДОМ-МУЗЕЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ“»**

ПАРТНЕРЫ: ФКУ «Российский государственный архив литературы и искусства»,
ФГБУК «Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина»,
Учебный художественный музей имени И.В. Цветаева, ФГБУК «Государственный
музей истории российской литературы имени В.И. Даля».

НАУЧНЫЙ КУРАТОР: Елена Баурджановна Коркина

КУРАТОРЫ: Евгения Петлинская, Татьяна Теплякова

ХУДОЖНИК: Василина Харламова

АРХИТЕКТОР: Кирилл Бережнов

ДИЗАЙНЕР ТЕКСТОВ: Ирина Кошелева

РАБОЧАЯ ГРУППА: Ксения Логущкина, Любовь Викулина, Марина Мелкова,
Наталья Шаинян, Николай Кожемякин, Сергей Майсевич